

Михаил Ширвиндт: Вот такой у меня папа

СЕГОДНЯ, 19 ИЮЛЯ, ИСПОЛНЯЕТСЯ 70 ЛЕТ АКТЕРУ, РУКОВОДИТЕЛЮ ТЕАТРА САТИРЫ АЛЕКСАНДРУ ШИРВИНДТУ

Отец и сын Ширвиндты и сегодня будут вместе

Отвечать за отца в эти юбилейные для актера дни из-за его «злославленного» отъезда из столицы придется его сыну – популярному телеведущему Михаилу Ширвиндту, который к тому же еще и один из главных создателей телефильма об отце «Самый обаятельный и привлекательный. Ширвиндт – 70», а премьеру фильма мы все сможем увидеть сегодня по Первому каналу ТВ в 18.20.

– Инициатива сделать фильм об отце принадлежит руководству Первого канала. У них эта идея возникла безотносительно ко мне. И они с ней довольно долго носились. Я им в голову не приходил. Потом позвонили мне и сказали: «А вообще-то логично, чтобы ты это делал». Я еще поколеблялся, потому что, как у врачей не принято лечить родственников, так и делать фильм про своего папу довольно странно. Поэтому я нашел максимально компромиссный выход из этой ситуации: предложил это очень хорошему режиссеру и моему приятелю сценаристу Андрею Станкевичу, который в основном работает на зарубежное телевидение. И вот когда мне удалось взвалить это на него, все стало

принимать некую форму. И я активно в этом процессе участвовал. Раньше во всех фильмах про милицию писали: консультант – генерал-майор такой-то. Так и я здесь участвую прежде всего как консультант. Хотя я и интервью делал, и фильмы пересматривал, и фотографии выбирал.

– А как папа отнесся к этому? Не сопротивлялся?

– Ему было довольно сложно сопротивляться. И потом он надеется, что я не сделаю плохо. Вообще парадокс заключается в том, что мой папа, с одной стороны, человек самый юбилейный – я не знаю ни одного значимого юбилея, в котором бы он не принимал участия. Он профессионал по их организации, по позд-

равлениям. И в то же время он самый антиюбилейный, потому что катастрофически не любит это и всегда убежал от праздников. И сейчас, когда телевидение станет показывать этот фильм, он будет сидеть с удочкой на Валдае (правда, и мама поедет с ним). Даже не знаю, принимает ли там телевизор. И я поеду на день рождения. В общем, среди своих это как-то не отметится. Но местечко находится в четырехстах с лишним километрах от Москвы. И так на вечерок туда не сгоняешь. Правда, сейчас это место уже обрастает друзьями: купил дом Эльдар Рязанов, Татьяна Александровна Гердт – друзья ближнего круга. Кто-то из них, наверное, доберется туда в этот день. Папа нуждается в уедине-

нии. И когда появляется малейшая возможность, едет на дачу и сидит один пару дней. Это называется «поехать вздохнуть». Волей-не волей устаешь от большой задезованности, и поэтому тянет оказаться там, где никто не будет к тебе приставать.

– Когда ты осознал, что твой папа известный и очень хороший артист, любимец народа? Когда появилась гордость за него?

– Удивительная вещь, казалось бы, он не сыграл особо значимых, да и вообще главных ролей в кино, и тем не менее любовь народа и его популярность зашкаливают. Поэтому я жил с ощущением, что папа такой. Хотя отец никогда не был таким, как Миронов, Куравлев. Он из другой категории. У него никогда не было такого, как у Андрея с «Бриллиантовой рукой», когда снялся – и все. Я с Андреем познакомился когда мне было лет 10–11, уже все понимая, но совершенно не понимая, кто такой Андрей Миронов. Это осознание возникло позже, когда вышла «Бриллиан-

товая рука», и я у него автограф взял. Он у меня хранится – на фотографии из серии «Наши любимые актеры», купленной в киоске за шесть копеек, написано «Миша, а ведь твой папа тоже неплохой актер. С уважением, Андрей Миронов». Вышла «Бриллиантовая рука» – и бум по стране. И я настолько обалдел, что он такой знаменитый, а я его за руку трогал, я его самого знаю. Это во мне возникла первая гаденькая снобская эмоция. И я получил за этот автограф (смеется).

– Самая любимая тобой папина кино- и театральная работа?

– Я, к сожалению, был совсем маленьким, когда шли эфросовские спектакли, где он играл серьезные, некомедийные роли. По рассказам, у него были очень хорошие актерские работы. Я обожаю все старые фильмы, особенно «Приходите завтра», «Еще раз про любовь». Сейчас для того чтобы сделать фильм, я просмотрел очень много старых фильмов – замечательная актерская работа в «Еще раз про любовь», хотя фильм не про него, а про Доронинову и Лазареву. А знаковый для него спектакль «Безумный день, или Женитьба Фигаро». Также, в общем, достаточно беспрецедентная история, потому что он вошел в существующий спектакль. Эту роль играл Валентин Гафт, который потом ушел из театра. А отец под эту роль и пришел в Сатиру. Я сам был артистом – и знаю, что такое войти в успешный спектакль с талантливим артистом. Внедриться в его рисунок было нереально и нелужно. Он нашел свою форму. Я не видел, к сожалению, спектакль с Гафтом, но культовый он стал в паре Миронов-Ширвиндт.

– А когда ты первый раз увидел «Фигаро»? – Я его видел всю жизнь – такое у меня впечатление. А первый раз, когда он впервые сыграл. Мне было, наверное, лет девять-десять. В этом же возрасте на гастролях Театра сатиры в Киеве со мной произошла одна история. Меня таскали с собой, потому что девать было некуда. Тем более, потом после гастролей планировался отдых на Днепре. И вечером я все время торчал в театре. У меня был приятель – сын одного режиссера из театра. И мы с ним в энный раз смотрели ненавистный нам спектакль «Женитьба Фигаро», потому что столько вынести невозможно. В узком пространстве между кулисами умещались два стула, только один за другим. Он взял и свой стул переставил впе-

ред, а потом я свой вперед переставил. Началась игра. Спектакль уже значения не имел. Интересно было победить. И так мы боролись, боролись. Наконец, я с большим запасом переставил стул, сижу я и думаю: «Прекрасно. Победил!» А шла сцена монолога Андрея Миронова – он был один на сцене. А тут я вижу, что у него глаза становятся, как у собаки из Андерсена, с блюдец. И я понял, что что-то не так. Поворачиваю голову направо и вижу весь зрительный зал – я сижу в беседке, куда сейчас придут крестьянки. Я схватил свой стул, замялся по этой беседке и вылетел за кулисы. А через пять минут начался антракт. Я завернулся в кулису и так простоял весь антракт, потому что слышал истошные крики: «Где он? Где он?» Андрей носился, искал меня. И если бы я ему подвернулся, он бы меня просто убил. Могу в мемуарах писать, что играл с Мироновым «Женитьбу Фигаро», правда, только на гастролях в Киеве.

– Папа был строгим родителем?

– Да нет. Только кричал. Но я быстро распознал природу этого крика. У нас, кстати, и у него, и у меня была педагогом курса Вера Константиновна Львова – ученица Вахангова, и мы шутили: «Непонятно, кто у кого учился». Она умерла, по-моему, в 90 лет, преподавая. Она была маленькая, сухонькая, но орала на нас так, что тряслись стены. И мы говорили: «Вера Константиновна, пожалуйста, не кричите так, поберегите себя». И она кричала в ответ: «Да, я не затрачиваюсь». И, действительно, она не затрачивалась вообще – это был откровенный звук. И вот еще маленьким я понял эту тайну своего папы. И довольно быстро перестал его бояться. Но, будучи хитрым мальчиком, я делал вид, что боюсь. Ведь если бы они распознали мою уловку, то нашли бы другие формы. Вообще же отец никогда меня не воспитывал, что я и делаю со своими детьми. И даже не кричу. Я считаю, что все само воспитается. Все генетически заложено – чему быть, тому быть. А дед он, конечно, более опытный, чем отец. На внуках он почувствовал себя трепетным и покладистым отцом. Они из него веревки вяют.

– Компания: Ширвиндт, Миронов, Захаров славились своими розыгрышами.

– У них в компании, со слов Марка Анатольевича, было такое понятие – «пугнуть». Однажды они поехали в колхоз и купили Андрею на день рождения живого поросенка. А Андрей был патологически чистоплотным челове-

ком. И они, видимо, из-за этого сделали ему такой подарок. И он эту свинью тут же сунул в ванну и мыл ее, мыл... А свинья была замечательная – такой маленький поросенок. Двое суток он жил в ванне, пока Андрей его куда-то не пристроил.

– Говорят, он большой любитель футбола?

– Папа – заядлый болельщик. Недавно вернулся из Португалии. Правда, мы толком еще не говорили об этом. Но я звонил ему туда, мы что-то обсуждали. Меня бесит все, что связано с нашим футболом, хотя я истово за него болел. Правильный анекдот ходил перед началом, все спрашивали: «За кого будешь болеть? – Естественно, за наших. – А потом?» Я не могу это видеть. А он патриот. Он считает, что надежда есть. А я считаю, что нет. Он ехал с ощущением, что подержит наших. Кстати, когда произошло знаменитое удаление Овчинникова – «трогал – не трогал рукой», – моя мама, которая сидит на даче, позвонила ему на следующий день и, видимо, чтобы показать свою причастность и осведомленность, спросила: «А что там у вас с Телятниковым случилось?» И вообще папа спортивный человек. Еще на четвертом курсе преподавал фехтование и скендывание. Поэтому у него стаж педагогики практически пятьдесят лет. Он очень хорошо играл в баскетбол. До сих пор мы с ним на даче играем, у нас кольцо висит. Еще любит бильярд. А бильярд – это тяжело, очень устаешь. Лет тридцать он он ходил на ипподром с Аркановым. Сейчас уже и ипподром закончился в том виде, в каком должен быть. Там выиграть нельзя. Выигрывал только тот, кто знал, кто придет первым.

– Есть ли в твоём отце чисто житейские черты характера, которые тебя раздражают или которыми ты завидуешь? – Меня раздражает его курение натошак. Я вообще категорический противник этого процесса, потому что это страшно вредно. Но, с другой стороны, ему семьдесят лет – он курит всю жизнь натошак, и ничего. Есть качества, которым я завидую, например, его моментальной засыпаемости в самолетах, у телевизора. Мечтал бы об этом. Генетически мне от него сейчас, к сожалению, стала передаваться ранняя «вставаемость». Поздно ложусь, рано встаю и весь день хожу разбитый. Спать хочется, но не могу спать. Кстати, он очень нетребователен в быту, например, к пище. Абсолютно. Ест все что угодно. А эта его знаменитая яични-

ца, которая готовится из всего, что зачерствело в холодильнике, включая огурцы, гречневую кашу и творог... Все это заливается яйцом и получается фирменная яичница. И даже сейчас все это неистребимо. Хотя даже во мне советское детство неистребимо. Уже являясь ресторатором, я знаю, как и что пьют, и с чем пьют. И тем не менее. А в советское время, что достал, то и поставил на стол. И я прекрасно помню, как на каком-то званом обеде на столе стояли бутылка ликера, бутылка какого-то красного вина и водки. Никому и в голову не приходило, что в этом есть какая-то несостыковка. Под селедочку ликер шел прекрасно, потому что его достали. А у него до сих пор это осталось – все, что есть, все напитки ставятся на стол. Он бывает у меня в «Штольце». Но мне было ультимативно заявлено, что это возможно, только если он будет платить. И у нас с Антоном Табаковым есть две эксклюзивные скидки в тридцать процентов нашим папам – на большее они отказались идти.

– А как он отнесся к твоей рестораторной деятельности? – Я перешагнул в его глаза пределы реального. Но при этом он ходит к нам, ест чечевичный суп, очень вкусный, с колеченостями, и мясо. Вообще же помощь от меня он не принимает, считает, что это он должен помогать. Правда, сейчас, кажется, уже смирился с тем, что я в какой-то степени уже стал самостоятельным. Кстати, об отрицательном – он страшный матерщинник. Ругается все время. Причем в любой ситуации. Его мат прощают ему все без исключения, потому что его мат – это язык. А подзаборный алкаш как по-русски говорить не умеет, так и матом ругаться не умеет. Есть люди, которые ругаются так, что позавидуешь. И папа из их числа.

– Как он совмещает свою преподавательскую деятельность и руководство театром? – Я знаю, что он боготворит своих учеников, носится с ними, подкармливает. А в общем, хороший педагог курса всегда участвует в судьбе своих учеников. Когда он взял на себя руководство театром, понимал, что это огромная нагрузка, никому не нужная, неблагоприятная. Но думал: «Если не я, то кто?» Остаться в родном организме, только в другом качестве – это довольно сложно, потому что если приходит режиссер со стороны, он может кого-то выгонять, кого-то приглашать. Папа этого не может, потому что все родные. И это, конечно, проблема. И он с ней худо-бедно справляется и буквально тянет на себе этот воз. Играть в антрепризах, сниматься в кино для него сейчас нереально. Все убито этим рутинным процессом. Но 24 дня отдыха на рыбалке – это святое!

Беседовала Марина ЗЕЛЬЦЕР